

18+

Влад Костромин

Шпулечник



Влад Костромин

Шпулечник

«Издательские решения»

Костромин В.

Шпулечник / В. Костромин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506808-8

Роман, развившийся из рассказа конкурса «Фантазмы и протуберанцы» (конкурса «Вирда»), проводившегося сайтом «Квазар» в апреле — мае 2019 года. В финальный сборник рассказ не вошел, но послужил основой романа.

ISBN 978-5-00-506808-8

© Костромин В.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	14
III	25
IV	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Шпунечник

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2020

ISBN 978-5-0050-6808-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Вечером мать сидела и гадала на кофейной гуще. Кофе родители из экономии не покупали, так она собирала гущу из чашек коллег по работе и приносила домой. Долго хмурилась, вглядываясь в узоры гущи.

– Что-то нехорошее выходит, – хмуро сказала наконец и посмотрела на нас с братом. – Что-то плохое скоро случится.

– Тань, батя мой помер, – сообщил пришедший с работы отец.

– Ох ты ж, Господи! – всплеснула руками мать. – Как же так?

– А вот так. Вдруг, как говорится, как гром среди ясного снега, взял и помер.

– Вот, Вить, а я же как раз перед твоим приходом детям сказала, что что-то случится.

– Опять твоя интуиция?

– Нет, кофейная гуща показала.

– Да сказки это все, – отмахнулся отец, – и буржуазные суеверия пополам с предрассудками. Наука кофейную гущу отвергает, допуская если только как удобрение, и то, не для всех растений.

– На похороны ехать надо? – осторожно спросила мать.

– Это несомненно, – кивнул и подтянул сковородку с жареной картошкой. – Без этого ныне никуда, – начал мощными движениями, будто кочегар уголь в топку, закидывать ложкой картошку в рот.

– А детей куда?

– С нами поедут. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней: дедушку проводят в последний путь и так, в целом, поедят на поминках.

– Тоже верно, – кивнула мать, – какая-никакая, а все экономия.

– Я про то же. Мамка обычно на поминки колбасу вкусную делает, – отодвинул опустошенную сковороду. – Ехать надо, вдруг обломится чего.

– Что там может обломиться? – скептически подняла брови мать.

– Дом на батю был записан.

– Неожиданно.

– Но приятно.

– Все равно, полгода ждать. И бабку куда-то девать надо.

– Мамка много места не займет, да и пенсия у нее хорошая должна быть. Лишь бы Нинка ненужный сыр-бор не начала.

Тетя Нина Севкина была старшей сестрой отца. Она с дочкой Марусей жила в городе, в общежитии карандашной фабрики, с общей чадной кухней, где было не пройти от изрезанных столов и колченогих стульев, и одним туалетом и умывальником на весь этаж. У них было две с половиной комнаты. То есть их комната и комната покойного мужа – Васи, с которым тетя Нина разошлась. Комнаты были расположены напротив друг друга, в конце коридора, поэтому они выгородили пространство между комнат и поставили дверь. Там стол обеденный и холодильник, типа импровизированной столовой. Почему-то это помещение они называли «курхуятником». А перед входной дверью, с внешней стороны коридора, стоял большой и тяжелый деревянный ящик с двумя навесными замками для хранения картошки.

– Нинка жадная, – нахмурилась мать, – с говном не расстанется. Привыкла за свою гипертонию прятаться, клуша.

– Если бы просто пряталась, а то какая-то воинствующая гипертоничка, того и гляди, до крестового похода дойдет.

– И астма у ней, – пожевала губами мать.

– И неистовая астматичка, – кивнул отец.

– Будете мало работать, – посмотрела на нас мать, – тоже станете гипертониками.
– И астматиками, – добавил отец.
– Верно.
– А вообще, мамка со скумбрией пирог умеет готовить вкусный.
– Витя, не выдумывай, на похороны со скумбрией пироги сроду не делали.
– У вас может и не делали, а у нас делали. Когда тетю Клаву хоронили, такие пироги в печке сделали, что пальчики оближешь.

– У нас была тетка? – заинтересовался брат.
– Была, только тетка мне, а вам бабушка. Ее убил Шп...
– Вить, хватит! – прервала мать. – Никто ее не убивал!
– Она была слегка слабоумной, так нормальной, но не в себе. Сроду ничем не болела, все береглась. А тут пришли, а у нее осколком стекла от банки из-под вишневого компота сонная артерия перерезана. Что скажешь?

– Все знают, что она открывала банку и случайно порезалась насмерть.
– Нет, не случайно. Это Шп...
– Витя!!! Смени тему!!!
– Хорошо. Скумбрию хорошо в стеклянной банке, с лучком и подсолнечным маслицем, – отец облизнулся, – и еще зерен горчицы посыпать – вообще объедение. Вы не подумайте, – отец погладил Димку по голове, – что у вас родители скотины бесчувственные: дед умер, а мы сидим и меню поминок обсуждаем.

– Мы не думаем, – буркнул Димка.
– Молодцы. Просто человек так устроен, что горе похорон надо заесть на поминках. Физиология такая.

– Понятно, – кивнул Димка.
Дедушку мы знали мало, поэтому его смерть нас с Димкой мало тронула.
– Ничего, зато на похоронах брюхо набьем, – перед сном сказал Димка. – Заедем горе похорон.

Димка был с рождения зашуганным. Сначала врачи подозревали у него менингит, потом кучу болезней, потом за воспитание плотно взялась мать. После всего этого было не удивительно, что он боялся незнакомых людей и часто прятался под стол в прихожей, подслушивая разговоры матери с подругами. Благо, что скатерть, украденная отцом в столовой на прежней работе, свисала почти до пола, надежно скрывая Димку от чужих взглядов. Потом он вообще взял привычку внезапно выскакивать из-под стола или проползать под стульями, пугая разговаривающих.

Единственный его друг Коля Мартынец по кличке Чомба тоже был пареньком со странностями. Познакомились они тогда, когда Димка, одетый в кепку с накладными кудрями, гулял по саду. После того, как Чомба притащил из дома сала, они подружились.

– Угу, – согласился я.

В Толмачовку выехали рано утром – едва рассвело. Мать тихо бурчала; отец молча кивал и курил; брат досыпал, едва слышно сопя и время от времени жалобно вскрикивая; я смотрел в окно на зарождающееся утро. Дорога заняла почти три часа.

Бабушка строго посмотрела на нас с Димкой, а потом, смягчившись лицом, обняла.
– Осиротели мы, – отец скорбно снял коричневую шляпу и прижал ее к груди. – Одни мы теперь в этом мире бушующем. Где тело? – сменил скорбный тон на деловой.

– Вить, гроб в зале.
– Тань, дети, – распорядился отец, подталкивая нас к дому, – заходим и прощаемся, пока никто не набежал.

Мы вслед за матерью робко вошли в дом. Из дощатых сеней дверь вела в тесную кухню со старой газовой плитой и разбитым на геометрический орнамент частой деревянной решеткой окном, выходящим на ворота. Если идти из кухни прямо, то можно было попасть в «летнюю комнату»: две сходящиеся углом стены, с такими же витражными окнами по всей длине, две кровати с панцирными сетками и большой сундук. Слева – выход на второе крыльцо. Справа, между кухней и «летней комнатой» – дверь в дом. Сразу за ней «прихожая» – комната с газовым котлом в небольшом закутке и маленьким подслеповатым окошком, выходящим в какой-то пристроенный к дому курятник. Пройдя по прихожей, через дверной проем слева можно было попасть в зал.

– Разуйтесь, дикари! – прошипела в кухне мать.

– Тань, не выдумывай, – бабушка устало махнула рукой, – все равно натопчут сейчас.

– Порядок должен быть, – отозвалась мать. – Чисто не там, где убирают, а там, где не сорят.

Мы разулись и босыми вошли в дом.

– Тань, что дети у вас без носков? – удивилась бабушка.

– Сонные собирались, забыли одеть, – ловко вывернулась мать.

На самом деле, носков из экономии родители нам не давали. Уйдя от щекотливой темы, мать шагнула за нами и, обняв, довела до зала. Залом называлась длинная комната, тянущаяся почти по всему дому: справа и с торца были окна; слева – две завешанные комнаты: одна, которая к торцу дома, с окном; другая – «темная».

Дедушка лежал в гробу как живой.

– А ему удобно? – прошептал Дима.

– Ляжешь, узнаешь, – мать отвесила оплеуху. – Не трепи языком. Ближе подойдите и поцелуйте.

Мы послушно подошли и замерли перед гробом, не зная, куда целовать.

– В лоб целуйте, – шипела мать.

Мешая друг другу, наперегонки кинулись к голове деда.

– Не толкайтесь! Сначала Вася, потом Дима.

Поочередно поцеловали холодный липкий лоб. В зал вошел отец, подошел к гробу.

– Здравствуй, батя, – поцеловал меня в лоб и вышел.

– Мам, завтрак будет? – услышали мы. – Дети не завтракали, сюда спешили.

Завтракали в кухне: на покрытом старенькой клеенкой столе теснилась сковородка с яичницей, которой сразу завладел отец; тарелки с солеными огурцами и помидорами, квашеной капустой. На доске лежало порезанное сало и разрезанные на четыре части крупные луковицы. Отец торжественно налил себе, бабушке и матери в мутные рюмки, подумав, плеснул и нам с Димкой.

– Помянем батю минутой молчания, – объявил, схватив рюмку и воздевая себя с табуретки.

Все встали и помолчали. Я смотрел на стоящий на узеньком подоконнике грязный стакан полный мертвых пчел.

– Минуту молчания прошу считать оконченной, – отец одним махом выпил рюмку.

Я попробовал – водка оказалась горькой и противной. Дима закашлялся и мать постучала ему по спине кулаком. Мы сели и стали есть, пытаясь угнаться за отцом. Куда там! Он лихорадочно допил бутылку и сметелив все съестное, закурил.

– Хоронить батю где будем?

– В Кузькино, рядом с дядькой Шуриком есть место, – бабушка приложила платок к сухим глазам.

– Хороший выбор, – покивал отец, глядя сквозь засиженное мухами стекло на двор. – Место живописное, березы и клены, и трасса рядом. Когда будем проезжать в город, то будем сигналить. Удобно: никто не забыт и, как говорится, ничто не забыто.

Вскоре начали собираться люди. Приехала тетя Нина с дочкой Марусей – моей ровесницей. Они напоминали двух крыс, жадно водящих носами по сторонам – не перепадет ли чего? Нас с Марусей отправили во двор, чтобы не путались под ногами, а взрослые входили и выходили из дома: соседи, дальние родственники, кто-то еще.

– Маруська, ты падла, – сказал Дима.

– Заткнись, ушлепок, – отрезала сестра, наловчившаяся в своем общежитии. – Ты немец Лохни, а по-русски просто лох.

– Не ругайтесь, – попросил я.

– А чего он?

– А чего она?

– Да помолчите вы!

– Вася, ты тоже падла, – Димка обиделся и отошел дразнить через забор привязанного в саду коня Воронка.

– Вам из наследства ничего не достанется, – заявила Маруся, с вызовом глядя на меня. – Моя мамка старше дяди Вити, поэтому все ей будет.

– Что все? – наследство меня мало волновало.

– Все: дом, конь, Жучка.

– Жучка злая, она нам и даром не нужна. У нас своих собак полно, кормить нечем.

Жучка посмотрела на нас, будто поняв. Она была настолько злобной, что вместо ошейника была прикована к кольцу, продетому сквозь ляжку. Но все равно, рвалась к людям, не смотря на боль.

– Конь жрет много, – ввернул внимательно подслушивающий Дима.

– Ну и ладно, – надулась Маруся, – нам больше будет. Нам наследство важнее: это вы жируете, а мы на комбижире живем.

– Ничего мы не жируем, – возразил я.

– А вот у нас машины нет! Но ничего, продадим дом какому-нибудь богатею под дачу – купим.

– Где бабушка будет жить, если вы дом заберете? – спросил я.

– В дом престарелых сдадим, но не сейчас, а потом, когда состарится.

– Мы ее к себе заберем, – сказал я. Бабушка была хорошая – добрая.

– И забирайте.

– Она ест много, – пробурчал Димка.

– Зато бабушка травы разные знает, – сказал я, – и съедобные тоже... И еще она пенсию получает.

– Тогда ладно, – кивнул брат.

– Стопэ! – выкрикнула Маруся. – Пенсия нам самим нужна.

– Фиг вам, а не пенсия! – Дима сложил дулю и показал сестре. – Перетопчетесь.

– Вы бы могли яблоками торговать, с таким садом, а вы по наследствам побираетесь!

– Сами решим, – отрезал Димка, – без тебя, падла городская!

– Заткнись, пирожок с говном! Ты сам пирожок с говном и друг твой, Чомба, пирожок с говном.

Из дома вынесли гроб и поставили на табуретки за воротами – прощаться. На кладбище нас не взяли, оставив на присмотр соседкам, готовящим поминки, и обрадованный Дима начал искать в доме холодильник, чтобы украсть что-нибудь съедобное. Холодильника у бабушки не было. Я как лиса ходил вокруг мастерской дедушки. Не выдержав, оттянул дверь, проше-

мился внутрь. Залез на верстак и наблюдал за двором в маленькое окошко. Во двор вышли покурить две соседки и стали возле мастерской – я случайно услышал кусок тихого разговора.

– Говорят, что из-за какой-то молодой дочки «дачников» повесился.

– Слушай больше, еще и не такое наплетут.

– А перед этим ему везде мерещились змеи... Другим черти мерещатся по пьяни, а этому вишь, змеи.

– Дед Володя не пил.

– Ты откуда знаешь? Ты же свечку не держала. Может и кирял тайком.

– Все может быть, прости Господи, – соседка перекрестилась.

– Говорят, в этой хате когда-то уже мужик удавился.

– Ох, грехи наши тяжкие.

Что-то жующий Дима вышел во двор и, воровато оглянувшись, юркнул в один из сараев. Заинтересовавшись, я выбрался из мастерской и прокрался за братом. Он стоял возле куриного гнезда, сделанного в деревянном ящике под плакатом с устрашающей тифозной вошью, призывающим к борьбе с тифом, и довольный ел яйца. Забившаяся в угол серая курица с ужасом наблюдала за пиршеством. Он пожирал яйца, а мне будто послышался душераздирающий писк нерожденных цыплят.

– Вот, гляди, – гордо показал мне, – пятнадцать яиц было.

– Ты совсем дурак? – я покрутил пальцем у виска.

– А что?

– Это наседка! Ты кладку сожрал, желудок!

– Я не знал, – брат скуксился. – Думал, снесла...

– Баран!

– Подумаешь, наседка, – брат презрительно сплюнул в курицу яичной скорлупой. – Будешь квохтать, и тебе шею сверну – в суп пойдешь. Помнишь, – посмотрел на меня, – как батя пел? Была уха из петуха и заливные потроха. Потом поймали жениха и долго били его ногами.

– Помню. Пошли отсюда, а то влетит за гнездо.

– погоди, тут два яйца осталось. Я доем. Или может ты хочешь? – протянул мне.

– Они же с зародышами!

– И что? Зародыши полезные, я сам по телевизору видел, хи-хи-хи, – мелко хихикая, доел яйца и растоптал скорлупу. – Теперь пошли, а то поминки пропустим.

Вышли из сарая, будто ничего не случилось, и с невинным видом стали смотреть на Воронку. Взрослые вернулись с кладбища и пошли поминать. В зале стоял составленный из столов П-образный стол, накрытый цветными половиками. Мы – дети, сидели с краю одной из «ножек» П, поближе к двери в кухню. Димка все время норовил что-нибудь стащить с тарелки Маруси, а заодно засовывал в карманы старого отцовского пиджака, который болтался на нем как пальто, и в холщовые сумки, предусмотрительно привязанные под пиджаком.

Мне приспичило в туалет и я тихонько выбрался из-за стола. Вышел в сени и вдруг почувствовал укол в ногу. Перед глазами все поплыло, ноги стали будто жидкими и, не выдержав тяжести тела, подкосились. Я рухнул на пол, смутно увидев сквозь затянувшую глаза пелену, уползающую толстую пеструю змею. Тело скрутила судорога, словно нечаянно коснулся штыря вилки, которую вставлял в розетку, и я потерял сознание.

Очнувшись внезапно, вскочил, наступил на рассыпавшуюся из опрокинутой плетухи картошку и грохнулся на пол. Лежал, глядя на торчащие из досок острия гвоздей. Получается, никакой змеи не было: укололся о гвоздь, а у страха глаза велики, как сказала бабушка. Странно, что острия торчат, но мало ли: может, доски от жары рассохлись или фундамент перекошило, вот и вылезли. Я рассмеялся и, упершись руками, отжался от пола, собираясь вскочить. И застыл... Острия извиваясь как черви, медленно втянулись в пол.

«Неужели померещилось?» – идя к туалету, думал я. – «Наслушался вчера соседок, вот и привиделась какая-то чушь. Ладно, змея – почему бы ей не жить в деревенском доме где-нибудь под полом? Но вылезавшие из пола гвозди – явный бред. Такого быть не может, потому что не может быть». Облегчившись, сполоснул руки под жестяным умывальником и вернулся за стол.

После того как выпили три раза, соседки поставили перед всеми стаканы с киселем, накрыв их пирожками с рисом. Димка ловко зацепил Марусин пирожок и сунул в карман. Когда соседи и дальние родственники выпив кисель ушли, вспыхнул скандал между отцом и тетей Ниной, едва не дошедший до драки.

– Рябой слизень! – кричала тетя Нина.

– А ты выдра пергидролевая и толстая выхухоль, – не остался в долгу отец. – Да подавись ты!

– Уступи, я все-таки гипертоник.

– И что?

– Астматик я.

– Не могу, извиняйте.

– На гипертоника руку поднял! Люди, смотрите, астматика убивают! – заверещала Севкина.

– Дети, мы уезжаем, – вскочил из-за стола, будто случайно прихватив две недопитых бутылки водки и неоткрытую банку фрикаделек, стоящую на подоконнике, – нас здесь не поняли. А-а-а-а! Разойдись, убью! – с истошным воплем пульей вылетел из дома.

Димка, похожий из-за раздувшегося пиджака на жирного пингвина, кинулся следом. Я неохотно потащился за ними. Следом выскочили Севкины, поливая нас ругательствами. Димка набрал сухих каштанов Воронка и под визг Севкиных закидал их конским навозом, до слез рассмешив пьяного отца.

На обратном пути выяснилось, что Димка достойный сын отца – умудрился незаметно стащить висевший на заборе старый хомут Воронка и ящик, в котором было разгромленное гнездо.

– Что ты за хлам тащишь? – возмутилась мать.

– Ничего это не хлам, – обиделся Дима.

– А что это?

– В хозяйстве сгодится, – отцовскими словами отозвался брат.

– Сгодится? – глаза матери нехорошо сузились. – Зачем тебе старый хомут может сгодиться? На шее носить будешь, Ерема?

– Продадим кому-нибудь.

– Такое старье? Таких дураков, кроме вас с батей, в округе нет давно.

– Мы с Васей его мазью натрем – станет как новый.

– Между прочим, – пьяно кивнул отец, – дельная идея. Весь в меня.

– Витя, ты бы лучше за дорогой следил, алкоголик. Ладно хомут – бог с ним, может, найдется дурак. Но ящик, ящик ты зачем тащил, садовая твоя голова? У нас своего хлама полно.

– В нем куры нестись будут.

– Да с чего ты взял?!

– В унитазе же несутся, – хитро улыбнулся брат.

– При чем здесь унитаз?

– Мы же унитаз украли – в нем несутся. Теперь ящик украли – и в нем будут нестись.

– За что мне такое наказание? – мать схватилась за голову. – Один дуб дубом – весь в батю, второй – рохля, даже гвоздя не упер. Все волокут: и жук, и жаба, только наш Васек из-

за своей лени даже гвоздя не утянул. Димка мямлик мямликом, а все, вишь, хучь хлам, а все равно домой тянет.

– Вы же говорили, что у родителей воровать нельзя, – попытался оправдаться я.

– Правильно, – отец повернулся ко мне, – у родителей воровать нельзя.

– Грех это, – вставила мать. – Вить, следи за дорогой.

– Но бабушка вам не родитель, – отвернувшись, продолжил мысль отец, – значит, вам у нее воровать можно и даже нужно! Чем Дмитрий и воспользовался.

– А я еще и еды спер, – похвастался ободренный похвалой Дима.

– Весь в меня, – закивал отец.

– И вот еще, – Димка достал из кармана большой синий носовой платок в клетку.

– Где ты его взял? – поморщилась мать. – С покойника что ли?

– Мародерствовать нехорошо, – строго сказал отец.

– На веревке у соседей сушился, – потупился брат.

– У каких? – не унималась мать.

– Что со стороны сарая, за садом.

– Наш пострел везде поспел, – подмигнул в зеркало отец.

– В вашем возрасте уже пора баранов воровать, а вы волокете всякую чепуху!

– Баранов воровать надо уметь, – назидательно сказал отец. – Тут нужно быть юрким, как неуловимый Шпулечник, что бы все было, как с гуся опилки. Не зря говорится, не имей сто баранов, а женись, как Чурбанов. Нашим тухам-матюхам хотя бы курей для начала толком воровать научиться.

– И не говори, – мать тяжело вздохнула, – в кого они только такие уродились?

Всю дорогу чехвостила нас: Димку за то, что тащит всякую дрянь и меня – за бесхозяйственность. Отец же лишь пьяно хохотал, вспоминая испачканных навозом Севкиных.

– А почему опилки с гуся? – уже почти перед домом спросил Димка.

– Потому, сын мой, что чучела всегда набивают опилками и никак иначе. Шпулечник любит чучела делать, хлебом его не корми.

– А кто такой Шпулечник?

– Шпулечник фигура мрачная, – перестал хохотать отец и сразу помрачнел, – можно даже сказать зловещая. Я вам больше скажу: Шпулечником детей пугали в свое время. Это наш злой рок, наше родовое проклятие...

– Витья, не рассказывай всякие ужасы на ночь, – сказала мать, – не нагоняй на детей жуть. А то им и так после похорон будут кошмары сниться.

– Кошмары? – отец задумчиво выдохнул сигаретный дым в лобовое стекло. – Я на похоронах брата был еще младше, чем они, а кошмары не снились.

– Ты просто толстокожий, как слон.

– У тебя был еще брат? – не утерпел я. Про младшего брата отца мы знали – он сейчас опять сидел в тюрьме. Первый раз отсидел за убийство, вышел, побывал у нас в гостях и сел за разбой. Но про второго слышали впервые.

– Был, – отец как-то странно посмотрел на нас в зеркало заднего вида, – старший, Володька. Его убили. Некоторые считают, что его как раз Шпулечник и убил.

– Вить, – голос матери дрожал от напряжения, – хватит городить ерунду. Не сочиняй сказки. Нашелся выдумщик.

– Ничего я не выдумываю. Стакан с пчелами у бабки на подоконнике видела?

– Ну, видела, – пожала плечами. – И что?

– А то, что это Шпулечника работа.

– Какой-то бред сивой кобылы в лунную ночь. Тебя надо в дурку отправлять, пока ты не начал голым бегать по крышам на четвереньках и выть на Луну.

– Чего это я буду выть на Луну?

– А чего вы, психи, все на нее воете?

– Я откуда знаю? – пожал плечами.

– Вот и пора лечить, пока не знаешь. И прекрати курить в машине, у нас вся одежда дымом провоняет.

– Хорошо, – отец выбросил окурочок в окно и он горящим угольком пронесся мимо заднего стекла.

Мы молчали до самого дома. Машина остановилась перед воротами, мать ушла в дом, а я возился с засовом ворот.

– А зачем Шпулечник баранов ворует? – тихо спросил отца Димка.

– Затем, что ему надо свою жизненную массу поддерживать, а баранина вкусное и питательное мясо. На Кавказе от баранины и вина сплошные долгожители.

– Он ест, потому, что у него растущий организм? – брат вспомнил любимое отцовское оправдание бездонности желудка.

– Он ест потому, что не совсем живой...

Я открыл ворота – отец загнал машину во двор.

– Это как?

– Ты не поймешь, да и Танька запретила пугать.

– А почему Шпулечник?

– У викингов и германцев был миф о Норнах, богинях, плетущих нити человеческих судеб.

– А при чем тут Шпулечник?

– При том, что нити жизней на себя наматывает, как на шпульку. Чеши спать, не забивай себе голову. Подрастешь, расскажу про Шпулечника.

Брат вылез из машины и пошел к дому, не услышав, как отец добавил:

– Если подрастешь...

II

– Новые времена – новые возможности, – похмельный отец постучал пальцем по столу, привлекая внимание. – Перестройка, ускорение, гласность, дали нам новые цели и методы, новое мышление. Это вам не старые хомуты с заборов тырить.

– Вить, ты прямо как Горбачев, – уважительно сказала мать, – тебе только пятна не хватает, а так, язык подвешен что твое ботало.

– Мастерства не пропьешь, – отец приосанился. – Так вот, про что я? Вам, дети, наше поколение вручает переходящее знамя.

– Какое? – заинтересовался Димка.

– Переходящее, – раздраженно сказала мать. – Что непонятного, балбес?

– А где оно?

Мать посмотрела на отца.

– Это метафора, – вздохнув, начал объяснять отец, – временами переходящая в гиперболу. Понятно?

Мы ни черта не поняли, но послушно закивали.

– Вот и ладушки, – отец кивнул. – Тань, подавай уху. Первейшее дело с похмелья – уха. Даже у классика было про брат с похмелья помирает – уха просит.

Мы начали хлебать жидкую уху из рыбы и лаврового листа с солью.

– Тань, ты рыбки то оставь, – сказал отец.

– Зачем?

– Вечером еще раз проварим, с морковочкой жареной, она за ночь застынет – заливное будет на неделю.

– Вить, может нам начать молиться перед едой?

– Тань, что за муха тебя укусила? К чему нам эта дурь?

– Мало ли... – смутилась мать.

После ухи мы с братом вышли во двор и сели на пни возле железного обода, служившего очагом.

– У нас новый метод, – сказал Димка.

– Угу.

– У нас новое мышление.

– Угу.

– У нас знамя!

– Переходящее, – поддакнул я.

– Мы должны использовать.

– Что использовать?

– Новый метод, новые возможности.

– Как?

– Я придумал, как, – брат хитро улыбнулся, из-за подбитого глаза став похожим на якута. Глаз пострадал от Сережки Рябого и Кольки Башкирина по кличке Башкир, поймавших Димку на мошенничестве при игре в карты. – Мы их всех обманем!

– Опять?

– В этот раз точно обманем!

– Как? – без особого интереса спросил я. Участвовать в отцовских и Димкиных авантюрах мне уже надоело: прибыли никакой, а неприятностей полный мешок.

– Мы наберем в магазине в долг.

– И что? Наберем, отдавать же потом все равно надо.

– Мы тетрадку сопрем, – прошептал брат.

У продавщицы Ирки была тетрадка, куда она записывала взятый в долг товар.

– Как сопрем?

– Молча, – глаза Димы блестели возбуждением. – Залезем ночью в магазин и сопрем!

Я задумался: магазин за последние полгода взламывали три раза, но украсть тетрадку с долговыми записями никто не додумался.

– Нам что, придется магазин взламывать?

– Да.

– Ты что, хочешь, чтобы меня посадили?

– Ты вечно так говоришь, – надулся брат. – Когда в детский сад лезли, тоже так ныл.

И что? Не посадили же.

– Ты-то в детский сад сам не полез, нас с Чомбой отправил. Взял бы и залез, если такой умный. Все равно толку не было.

– Тебе не было, а мы добычу украли.

– Какую к черту добычу? Старый будильник и детские стулья? Стоило из-за этого мараться?

– Ты и этого не взял. Впустую слазил.

– Потому, что вы меня с секундомером обманули.

– Значит, ты дурачок, если тебя так легко обмануть, – Димка вскочил и начал приплясывать, напевая:

– Обманули дурачка на четыре кулачка.

Приставлял пальцы к носу, как Буратино в кино.

Пока он так плясал, из сада вышел Коля Мартынец по кличке Чомба и, подкравшись, влепил Димке пендель.

– Ты чего?! – обиженно оглянулся Дима.

– Ничего, просто так, – Чомба уселся на пень, на котором недавно восседал Димка. – Здорово, ребзя. Что делаете?

– Ничего, – ответил я и посмотрел на забор, за которым был загон для свиней. – Вот, свиней сторожим.

– Зачем?

– Воровать их стали, – быстро начал сочинять Димка.

– Разве свиней воруют? – всполошился Чомба.

– Бате из района бумага секретная пришла... – поддержал выдумку брата я. Уж больно Чомба был легковверный, грех было не разыграть.

– Цыгане, – закивал Димка. – Воруют и увозят на телегах.

– У нас свиньи в сарае, – пугливо оглянулся Чомба.

– Из сараев тоже воруют, – фантазировал брат. – В Пеклихлебах вообще целую ферму свиней украли.

– Ого! – глаза Чомбы расширились от удивления и начали часто моргать.

– Вот тебе и ого, – Дима важно посмотрел на друга. – Мы тут в засаде сидим.

– А что вы можете с цыганами сделать?

– Не мы, – брат понизил голос, – в загоне батя с ружьем, переодетый в свинью.

– Я пойду, – Чомба вскочил с пня, – мамке скажу, чтобы замок на сарай повесила.

– Иди, – разрешил Димка, усаживаясь на освободившийся пень. – Еще один дурак, – зевнул брат, глядя вслед растворившемуся в саду приятелю. – Поверил.

– Какой сам, такие и друзья, – согласился я.

Димка подозрительно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Прихватил из дома сумку и пошел в магазин. Взял в долг три трехлитровых банки с концентрированным лимонадом. Мы его разводили водой и продавали детям помладше. Едва дотащив концентрат, снова жадно

кинулся в магазин и взял пачку печенья, пять брикетов киселя, две буханки хлеба и зачерствевший батон. Он бы, возможно, прихватил и что-то еще, но в магазине больше ничего не было.

– Знатная добыча, – хвалился мне, расставив покупки на столе. – Ты бы не додумался.

– Угу, – я долбил батонном по столу, пытаюсь отломать кусок. Нож батон не брал.

– Целых две буханки и батон! – ликовал брат.

– Угу.

– Концентрата три банки!

– Угу.

К вечеру вся деревня, напуганная рассказами Аньки Мартынец, мамыши Чомбы, вешала замки на свинарники. Мать тоже велела загнать свиней на ночь в хлева.

– Тань, без паники, – отец пришел с работы выпивши.

– Свиней воруют, а ты без паники!

– Спокойствие! Я остановлю беззаконие.

– Какое ты беззаконие остановишь, чудо в перьях? Ты же лыка не вяжешь.

– Я повяжу преступников! – кинулся в кресло к телефону и начал тыкать в кнопки, набирая номер. – Зин, ты? Директор беспокоит. Мужика позови. Что значит какого? У тебя их много? Своего. Во. Никола, привет, это я, Вэ-Вэ. Микола, бросай все – будем свинокрадов ловить.

Вооружившись ружьем, одев бежевый югославский плащ и напялив украденную у профессора в Москве коричневую шляпу с воткнутым пером селезня, отец растворился в сумраке.

– Сумасшедший, – поплевала вслед мать. – Опять всей деревне не даст спать. А вы куда намылились?

– За заборами, – ответил я.

– Вы бы передых сделали, а то вся деревня из-за свинокрадов на ушах стоит. Еще поймают, да за свинокрадов в темноте примут и наваляют, как следует.

– Нас могут побить? – насторожился Димка.

– Побить полбеда, за свиней могут и убить, – обнадежила мать. – Вы осторожнее там.

Димка испуганно посмотрел на меня.

– Может, не пойдём?

– Ты сам эту кашу заварил, теперь расхлебывать надо.

– Продать сколько лимонада теперь можно.

– Денег столько у малышни нет, – остудил его радужные надежды.

– Все равно – сами пить будем.

– Дорого.

– Так бесплатно же.

– Ты еще книгу не спер.

– Почему я? – удивился Дима.

– А кто? Я что ли?

– Да, ты же старший, тебе и воровать.

– Ты хочешь, чтобы меня посадили?

– Чего тебя посадят? За тетрадку не посадят.

– Ну... – я задумался. Вроде, если подумать, то за тетрадку не посадят. Но, с другой стороны, в ней записаны долги половины деревни, а это деньги, – не знаю...

– Мы же воровать ничего не станем, там брать нечего, значит, кражи нет.

– Взлом все равно будет.

– Мы, если что, скажем, что там было взломано, а мы просто зашли... посмотреть...

– Угу, чтобы ничего не украли, – скептически усмехнулся я. – так нам и поверят.

– Скажем, что от свинокрадов прятались.

– Ты сам себя слышишь?

– А что?

– От каких свинокрадов мы могли в магазине прятаться?

– Мало ли? – брат пожал плечами. – Они же вокруг.

Так, тихо переговариваясь, мы прошли почти до конца улицы, на которой стоял детский сад. Навстречу выскочила машина, ослепив светом внезапно вспыхнувших фар. Хлопнула дверца.

– Сдавайтесь!!! – завопил за светом знакомый голос. – Вы окружены!!!

– Вэ-Вэ, – послышался еще один знакомый голос – нашего соседа, Кольки Кобана, высокого добродушного увальня, сильного как бык. Он без трактора вытаскивал застрявшие в грязи легковые машины, – это дети.

– И что? Дети не могут воровать свиней?

– Это твои дети...

– Да? – навстречу шагнул отец с ружьем. – Вы чего тут спотыкаетесь, дармоеды?

– Мы... это... – сказал Димка.

– Что это?

– Там свинокрады, короче! – выпалил брат.

– Где?! – взревел отец.

– Возле дома Лукьянова.

– В машину!

Мы залезли сзади в УАЗ-ик.

– Ямщик, гони! – кричал отец.

Кобан гнал машину по улице. Перед домом ветврача Лукьянова затормозил. Отец выскочил и ломанулся во двор. Вышел через несколько минут обескураженный. Постоял в раздумье, залез в машину.

– Вэ-Вэ, у Лукьянова же свиньи нет, – сказал Кобан.

– Он мне сказал... – отец взгромоздился на сиденье и повернулся к нам. – Каких свинокрадов вы тут видели, придурки?

– Нам показалось, – начал сочинять Димка, – что кто-то лез через забор...

– Когда кажется – креститься надо, – сплюнул отец и повернулся к соседу. – Николай, возвращаемся на исходную позицию. Они где-то рыщут, я чую.

Машина с потушенными фарами заскользила по темной улице.

– А мы? – спросил я.

– На подхвате будете, – решил отец. – Хватит держаться за мамкину юбку. Будете привыкать бороться со злом.

– А то совсем озверели, ворюги эти, – сказал Кобан. – Заборы почти каждую ночь пропадают.

– Угу, – поддакнул я.

– У Сереги антенну украли, – продолжал Кобан.

– Вопиющий факт, – строго заключил отец. – Контрреволюция на марше.

Мы с братом уважительно молчали.

– Все из-за перестройки, – согласился Кобан. – Крышу в сарае разобрали, суки!

– Подрыв основ государственного строя, – солидно сказал отец, – иначе не скажешь. Ничего, Никола, они еще за все ответят, – достал носовой платок и звучно высморкался. – Скажу тебе по секрету, – понизил голос, – строго между нами. Это неуловимые братья Орешниковы.

– Вэ-Вэ, а кто это? – Кобан тоже понизил голос.

– Это главари банды контрабандистов! – отец щелкнул зубами, как Серый волк. – Я когда банду раскрыл, с КГБ вместе, то они сбежали и теперь мне мстят.

- Ого, – сосед уважительно посмотрел на отца.
- Вот тебе и ого, – по индюшину напыжился отец.
- Часа два мы катались по деревне, пытаюсь поймать мифических свинокрадов.
- Вэ-Вэ, – осторожно предложил Кобан, – может, спать пойдем?
- Враг не дремлет! Мы на страже, Микола! Почти, как на границе. Ты представь, – неожиданно заголосил отец, – что за тобою полоса пограничная идет.
- Собаки по деревне взвыли.
- Свинокрады! – закричал отец, колотя по дверце. – Вперед, Микола! Хватай!
- УАЗ послушно рванул вперед. Заметив темную тень, Кобан включил фары. Машина затормозила перед ослепленным человеком. Отец, шурша плащом, вывалился наружу.
- Стоять!!! Стреляю!!!
- Владимирыч, это я, – жалко проблеяла фигура.
- Владимирыч – это я, – резонно возразил отец. – Руки вверх, свинокрад!!! – скакнул вперед, замахаясь прикладом в голову, но остановился, рассмотрев жертву. – Коль, ты?
- Я, – подтвердил стоящий с поднятыми руками погорелец Кузьмич, подрабатывающий ночным сторожем.
- Ты что тут делаешь?
- Навоз ищу... – Кузьмич показал на стоящее под ногами ведро.
- Какой навоз? Тебе что, на старой деревне навоза мало?
- Конский...
- Зачем тебе конский?
- Буську кормить...
- У Кузьмича в хижине, построенной после пожара, жила огромная свинья Буська, совершенно свободно разгуливающая по деревне. Однажды даже выдавила в нашем сарае стекло.
- А почему ночью?
- Стыдно как-то... – опустил голову.
- Твою трансмиссию, Коля!!! Мы же тебя чуть не пристрелили, фаршированный першинг тебе в Европу!
- Я больше не буду, – Кузьмич пустил слезу. – Честное слово.
- Ладно, я сегодня добрый, вали домой, пока не передумал.
- Довольный погорелец схватил ведро и хотел уйти.
- погоди, – остановил отец, – навоз мне домой занеси. Тебе же все равно по пути. Понял?
- Понял, понял, – Кузьмич свалил с глаз долой.
- Вэ-Вэ, зачем тебе конский навоз?
- От него свиньи хорошо растут.
- Да, Буська здоровенная скотина, – подумав, согласился Кобан.
- А еще, говорят, от геморроя хорошо помогает...
- Может, домой?
- Ты что? Мы же их едва не накрыли. Продолжаем патрулирование.
- Мы можем на разведку сходить, – предложил Димка.
- Вы уже раз сходили, – отец закурил, – увидели свинокрадов, как пуганная ворона куст. Сидите уж, Аники-воины. И вообще, что-то больно вы покладистые. Видать, совершили какую-то пакость.
- Незаметно я заснул, убаюканный ездой и мягким светом лампочек на приборной панели.
- Отец растолкал меня уже под утро.
- Не спи, боец, замерзнешь.
- За окном светало, в открытую дверь тянуло сырой свежестью.
- Вылезай, идите спать.
- Поймали свинокрадов? – зевнул я.

– Нет, не поймали, – широкий лоб отца пошел морщинами. – Видно, как говорится, у них есть агенты, которые укрывают их в своих домах.

– Вэ-Вэ, я спать? – широко зевнул сосед.

– Езжай, Микола, отдыхай до обеда – заслужил. Как стемнеет, будь готов.

– Опять?!

– А ты как думал? Родина в опасности. Наше дело правое, наши свиньи будут за нами.

Втроем подошли к воротам.

– СтаршОй, ведро с навозом возьми, а то сопрут же. В месиво свиньям добавь, а пустое ведро отнесите Кузьмичу. Нам чужого не надо.

Мы с братом, не раздеваясь, завалились спать, а отец включил на кухне приемник, сделанный в виде маленького телевизора с переливающимися в такт музыке четырьмя цветными лампочками за экраном, и подпевал ему. Часа через два мать разбудила нас завтракать.

– Вставайте, лежни, хватит дрыхнуть, чай стынет.

Зевая, вышли в прихожую. Отец, свежий, как утренний огурчик в росе, бодро жевал яичницу на сале.

– Спице, сурки? – поприветствовал нас. – Куда в вас только лезет? Если не будить, так и будете спать сутками.

Мы молча сели на табуретки и стали пить морковно-кипрейный чай, бережливо заедая оладушками. Каждому из нас полагалось по два тощих оладушка, сделанных матерью из каких-то отходов.

– Поймал кого? – спросила мать.

– Кузьмича – навоз конский собирал, лишенец.

– Старый черт, – не понятно про кого сказала мать.

– Еще наши пострелята вроде кого-то видели возле дома ветврача, но тревога оказалась ложной.

– А если бы их пристукнули? – нахмурилась мать.

– Кто? – удивился отец.

– Свинокрады.

– Может, их в природе нет? Бабкины сказки.

– Вить, дыма без огня не бывает.

– Если бы были свинокрады, то Буську бы давно сперли. Она без присмотра целыми днями спотыкается и никто не украл.

– Я не подумала в таком разрезе. Правда, чего тогда ее не сперли? – мать задумчиво поводила в чае ложечкой.

– Вот и я про то же, – отодвинул опустошенную сковородку.

– За кем тогда всю ночь гонялся?

– Как говорится, занимался общей борьбой с преступностью и профилактикой правонарушений.

– Лечиться тебе надо.

– Медицина бессильна, – гордо сказал отец и ушел на работу.

– Будете ходить без шапок, тоже тронетесь, – посмотрела вслед мать. – Если будете бездельничать – тронетесь даже без вариантов. Посуду помыть не забудьте, – встала из-за стола и пошла собираться на работу.

– И что будем делать? – собирая со стола посуду, спросил я.

– А что делать?

– Как тетрадку добывать?

– Если магазин поджечь? Она же сгорит.

– Ты совсем того? – я покрутил пальцем у виска. – Ку-ку? Из-за тетрадки магазин поджигать?

– Ну, не знаю... А если сделать как тогда, в райцентре? Когда я в магазине вазу на голову одел?

– У нас в магазине ваз нет. А если бы и были, что толку? Одел бы ее на голову – дальше что?

– Ирка бы отвлеклась и ты украл тетрадку.

– Опять я?!

– Тебе ваза на голову не налезет. А если мы из дома возьмем вазу? – осенило брата. – Ту, что тогда украли.

– *Февраль: достать рубли и плакать... – выдохнул сигаретный дым отец. – Семья это важнейшее дело в жизни человека, – приоткрыл дверцу и выбросил куцый окурок в мокрый снег. – Без семьи нынче некуда. Понятно?*

– Понятно, – ответил Димка.

Я молча кивнул, подозревая подвох в непривычной ласковости отца.

– А что в семье самое главное? – продолжил отец, закуривая следующую «Приму».

– Чтобы кормили? – предположил Димка.

– Это важно, не спорю. А еще что? Ты чего молчишь, Вася?

– Чтобы было, где жить?

– И это тоже важно, но не все, – отвернулся, глядя сквозь лобовое стекло на памятник Ленину. – Важнее всего родители. Понятно?

– Да, – закивал Димка.

Я промолчал.

– Скоро международный женский день, посвященный Кларе Цеткин и Розе Люксембург, поэтому...

– А что такое кларцеткин? – спросил брат.

– Вот придунок, – отец сплюнул под ноги и постучал по рулю. – Это иностранки такие.

– А мы тут при чем? – удивился Димка.

– Это не важно, важно добыть подарок для вашей матери, – и добавил тихо что-то неразборчивое.

– Купить? – не унимался любознательный Димка.

– Купить любой дурак может, – презрительно скривился отец. – Даже такой, как ты.

– У меня денег нет, – радостно ответил брат, – я не могу.

– Знать бы, кто твой отец, – сняв шапку, задумчиво почесал плешь папаша, – ты явно не в меня, я в твоём возрасте догадливее был. Ладно, объясняю для умственно отсталых. Вон там, – палец отца указал вправо, – универмаг. В универмаге подарок. Ваше дело его добыть!

– Украсть? – осторожно спросил я.

– Можно бы украсть, – с сожалением сказал отец, – но ты и так в детской комнате на учете состоишь, хватит с меня позора. Будете делать так, – понизил голос, посвящая нас в план. – Заходите, спотыкаетесь, будто погреться зашли. Потом ты, – палец уткнулся Димке в лоб, – одеваешь на голову вазу, там есть такая большая...

– Кому? – испугался брат.

– Себе, – вздохнул отец.

– Зачем?

– Зачем я с тобой связался! – кулак отца врезал по спинке сиденья. – Но у Васи не получится, голова большая, – с сожалением посмотрел на меня. – Понятно?

– Я боюсь, – накуксился Димка.

– Нечего там бояться. Твой дядька два года с глиняным горшком на голове проходил и ничего, не облез. А тебе несколько минут потерпеть. Одеваешь и реवेशь! А ты, старшой, начинаешь бегать вокруг и кричать, что он задохнется. Тут вбегаю я и увожу его, вроде как

в больницу, а ты потом незаметно выходишь и топaeшь к вокзалу. Мы тебя там подождем. Ясно?

– Ясно, – кивнул я.

Димка промолчал.

– Чешите, дармоеды. Я зайду через, – посмотрел на часы, – десять минут.

Мы вылезли из машины и неуверенно пошли к универмагу. Внутри было тепло и Димка немного расслабился после замороженного нутра УАЗ-ика.

– А меня милиция не поймают? – тихо спросил он.

– Нет, – без всяких угрызений совести обманул я. – Милиции тут нет.

Здание РОВД находилось рядом, но Димке об этом было знать не обязательно.

– А какая ваза? – шептал.

Я в уме прикинул размер вазы, головы брата:

– Вон та, вроде.

– Хорошо, – внезапно схватил тяжелую вазу и напялил на себя.

– Мальчик, ты что делаешь? – всполошилась молоденькая продащица.

– А-а-а-а! – приглушенно ревел брат.

– Это он чего? – подбежала вторая, пожилая. – Это что тут?

– Он задыхается!!! – закричал я. – Умирает!!!

– Мальчик, мальчик!!! – трясла Димку за плечи пожилая. – Мальчик!!!

– Сдохнет сейчас!!! – орал я, понемногу пятясь к выходу.

– Вера Тихоновна, – испуганно спросила молодая, – что делать?!

– Без паники, Аня! Беги к телефону, вызывай «скорую»!

– А как звонить?

– А я знаю?!

– Что тут происходит? – вошел отец с поднятым воротником, в низко надвинутой на глаза шапке и с повязкой «Дружинник» на рукаве тулупа. – Что за крик? Кого режут? – лица почти не было видно.

– Мальчик!.. Надел... – плакала Аня. – На голову... А я... я...

– А вы сядете за убийство, – оскалился отец.

– За что?!

– Найдут за что.

– Я только подошла, – попятилась Вера Тихоновна, – я ничего не видела!

– Ребенка надо немедленно доставить к врачу, – подхватив Димку за плечо, потащил к выходу. – Я беру это на себя, оставайтесь на месте и не паникуйте. Спокойствие, только спокойствие, – обернувшись в дверях, прокричал он. – Писем не ждите, читайте в газетах! – скрылся в ранних мартовских сумерках.

– Ты знаешь этого мальчика? – спросила меня Вера Тихоновна.

– Нет, первый раз вижу.

– А ты что тут делаешь? – подозрительно смотрела она.

– Пришел велосипеды посмотреть...

– Велосипеды не здесь, они на втором этаже, – сказала Аня.

– Ну, я пойду... – я не спеша шел к выходу.

– А ты чей? – не унималась пожилая. – Что-то я тебя не знаю.

– Фролкин я, Петя, – сказал первое пришедшее в голову.

– А живете вы где?

– Возле хлебозавода. До свидания, пойду я.

– А велосипеды? – не поняла Аня.

– В другой раз, – выскочил на улицу и, стараясь не поскользнуться, побежал к автостанции.

Вот так нелегко досталась нам ваза.

– Ты что, пойдешь по деревне с вазой на голове? – я смотрел на брата даже с некоторым страхом – он явно тронулся от жадности. Сначала идея с поджогом, теперь это.

– До магазина можно вазу в мешке донести, а перед магазином одену.

– Оденешь и что дальше? В магазин зайдешь?

– Я зайду, она удивится, а ты схватишь тетрадку.

– Схвачу и побегу? Она же увидит, что я взял. Бред какой-то.

– Тогда поджигать надо.

– А ты не хочешь продать лимонад или вернуть обратно?

– Как можно вернуть? – глаза Димки расширились от удивления. – Это же наше уже.

– Я бы лучше вернул.

– Ты уже батон побил, как я его верну?

– Значит, я виноват?

– А кто? Зачем ты его ломал?

– Верни все, кроме батона, а за батон заплати.

– Да не буду я платить! И возвращать не буду!

– Ну и дурак.

– Сам дурак!

Обидевшись, Дима решил обойтись без меня. Позвонил домой Чомбе и назначил встречу в саду. Не знаю, что он наплел приятелю, и что пообещал, но Чомба привычно втянулся в авантюру. Они взяли из зала вазу и засунули в мешок.

– Зря вы это, – сказал я.

– Не каркай, – Дима прошествовал мимо, высоко вздернув нос, и вышел из дома.

Чомба виновато глянул на меня и кинулся за другом. Дальнейшее я узнал из рассказа брата. Подойдя к магазину со стороны околицы, сорванцы разделились. Димка вошел внутрь, а Чомба остался выжидать за углом – он должен был зайти через некоторое время с вазой на голове.

Дима с умным видом рассматривал пустые полки, продавщица Ирка неспешно беседовала с бабкой Устинихой, попивая чай.

– Ишь как зыркает, – вполголоса сказала Устиниха.

В магазин зашла мать с подругой Катей Башкириной.

– Дмитрий, что ты тут делаешь?

– Кто? Я? – глаза Димки заматались, лихорадочно ища пути отхода.

– Ты.

Открылась дверь, неуверенно вошел Чомба с вазой на голове. Все посмотрели на него и замерли. Устиниха перекрестилась, уронила стакан и он зазвенел по полу, расплескивая чай. От звона Чомба попятился, зацепился за порог, нелепо взмахнул руками, словно собираясь взлететь, и с размаху шлепнулся на пол. Злосчастная ваза разлетелась на куски. Испуганный Чомба лежа на полу смотрел на возвышающуюся над ним нашу мать.

– Это? Была? Наша? Ваза? – спросила мать.

– Это не я!!! – будто зайчонок в когтях кречета заверещал Чомба. – Это не я!!!

– Я тебе устрою клизму с пневым скипидаром и мочегон, – пообещала ласково мать. – Полежи пока, никуда не уходи. Кать, присмотри за ним, – подобрала с пола самый крупный черепок от вазы. Развернулась и подошла к Димке, застывшему возле прилавка, как бандерлог при виде Каа. – Это была наша ваза?

– Угу, – кадык Димки лихорадочно рухнул вниз.

– И тебе будет клизма, Дмитрий. Я вам пневого скипидара в задницы залью! Ира, не волнуйся, мальчики тут все приберут. Потом... Ая-я-й, как нехорошо, – покачала головой. – Это же был мой подарок, а подарки гробить нехорошо. Это же дикость какая-то. Так?

– Так, – пролепетал Дима.

– Так, – эхом отозвался дрожащий Чомба.

– А почему нехорошо? Потому, что предметы культуры уничтожали только кто, Дмитрий?

– Фашисты?

– Верно, только фашисты. А что надо делать с фашистами?

– Бить гранатами?..

– Верно. Хорошо, что ты все понимаешь. Плохо, что поступаешь не так, а особенно плохо, что не из-за непонимания, а из хулиганских побуждений.

– Так его, сатану! – одобрила Устиниха, до сих пор подозревавшая Димку в краже курицы.

– Марья Устиновна, – срезала мать, – обзывать детей непедagogично. И со своими детьми я разберусь сама, без вашей замшелости, – обрушила черепок Димке на голову. Черепок разлетелся, Димка покачнулся. – Хулиган – язва общества и социальный паразит. У меня все.

Вернулась к Чомбе, лежащему ни жив, ни мертв.

– Раскаиваешься, Коля?

– Да, тетя Таня! Да!

– Искренне ли раскаяние твое? – спросила вкрадчивым голосом.

– Да! Да!

– Хорошо, – переступила через него. – Я поговорю с твоей матерью о мерах по твоему воспитанию. Дмитрий, Николай, приберите тут. Катя, пошли.

Они ушли. Ошеломленные Ирка и Устиниха смотрели, как дети собирают с пола осколки вазы в бумажный пакет, выпрошенный Димкой у продавщицы.

– Еще склеить можно чесночным соком, – деловито сказал Димка. – Будет как новая.

– Строгая у вас Сергеевна, – уважительно сказала Устиниха. – Порядок блюдет.

– Строгая, – закивал Дима, незаметно засовывая в пакет стакан, уроненный Устинихой, – но справедливая. Зря не накажет.

Собрав осколки, юные шалопаи отправились домой. Димка всю дорогу хохотал, как все три поросенка вместе взятые. Придя, в лицах рассказали историю мне, а потом Димка снова закатился в приступе хохота.

– Чего это он? – тревожно спросил Чомба.

– Каску носить надо.

– Какую каску?

– Анекдот такой есть: на стройку привели на экскурсию Вовочку и других детей. Экскурсовод раздал им каски.

– Дети, наденьте их, а то был такой случай: мальчик с девочкой пошли на стройку, девочка была в каске, а мальчик нет. На голову им упало по кирпичу. Мальчик умер, а девочка засмеялась и убежала. Вовочка воскликнул:

– А я знаю эту девочку! Она до сих пор бегаёт в каске и смеется.

– Понял.

– Сами вы в касках, – отсмеялся брат. – Я просто радуюсь.

– Чему ты радуешься? – не понял я.

– Пока все на Чомбу смотрели, я листы в тетрадке вырвал.

– И куда ты их дел?

– Съел.

– Ничего себе, – Чомба уважительно смотрел на Димку. – Я бы не додумался.

– Учись, пока я жив, – брат по-отцовски приосанился. – Такой куш сорвали! Надо было больше в долг брать.

– Не жадничай, – я покачал головой, – жадность никого до добра не довела.

– Теперь разбогатеет, – пустился в мечтания брат.

– И я с вами, – смущенно сказал Чомба.

Димка так изумленно посмотрел на друга, будто увидел говорящий пень.

– И ты, только надо клей найти, вазу склеить.

– Хорошо, я найду, – Чомба преданно смотрел на нас. – Я найду, правда.

– И сала принеси, – кивнул Дима.

III

– А что, если нам свинью украсть? – предложил брат, разливая самодельный лимонад в вымытые бутылки.

– Зачем нам свинья?

– Что ты как маленький? Свинья – это сало.

– Сало салом, но чтобы сало сделать, надо свинью зарезать. Так?

– Надо, а что? – блеснул глазами, ожидая подвоха.

– А то, что батя свиней сам не режет, Кобана зовет или Зайца. Так?

– Ну так... и что?

– Они придут резать, а свинья не наша.

– Как они поймут, что свинья не наша? – подумав, спросил брат. – На свинье же не написано.

– Ну... – тут уже я задумался. – Догадаются.

– У тебя нет нового метода и нового мышления, поэтому ты и ноешь постоянно. Все свиньи похожи, значит, если мы украдем свинью, то ее не отличат.

Звонок от ворот прервал рассуждения брата. Димка кинулся к ним. Я зашел в родительскую спальню: понаблюдать из окна. Димка впаривал соседу Вовке лимонад. Вернулся довольный, показал монеты.

– Прибыль, а ты не верил.

– Не радуйся раньше времени, вдруг Ирка вспомнит, что ты в долг набрал.

– Пускай вспоминает, доказательств у нее нет.

– Мамке скажет, та тебя без всяких доказательств удавит.

– Думаешь? – радость брата угасла, как огонек свечи от выплеснутого ведра воды.

– Знаю. Еще и из детей кто-нибудь расскажет, что ты лимонад продаешь.

Раздался очередной звонок. Димка схватил бутылку и побежал к воротам. Я пошел к окну: брат втюхивал лимонад Ольке, дочке материной подруги Катьки.

– Купец несчастный, – пробурчал я.

Надо признаться, что пока план брата работал: в долг он набрал, листы из тетрадки вырвал и теперь продавал сильно разведенный лимонадный концентрат. Прибыль была налицо. Даже не верилось, что такое смог проверить мой младший брат.

– В прошлый раз ты тоже ныл, – вернувшийся брат показал барыш, – не верил, а вышло воно как.

– Как?

– Так. Выгодно вышло, – надулся от гордости, что казалось – ткни пальцем и лопнет, как воздушный шарик от зажженной сигареты. – Теперь предлагаю новый план: украсть свинью. У нас новый метод и новое мышление, значит, мы первыми додумались воровать свиней.

– Забыл, что мамка говорила? Свинья это не забор. За свинью могут и прибить.

– Это если поймают.

– Думаешь, не поймают?

– Кто нас может поймать? Их же только наш батя и ловит. Он если и поймает, то не убьет, а даже похвалит.

– Это да, – отец хвалил Димку за кражу курицы, а сам умудрился однажды украсть козу в райцентре. А еще хвалился, что в детстве воровал баранов. – Но как ты собираешься тащить свинью?

Свинью мы не донесем, она тяжелая.

– Буську можно – она сама ходит.

– Ее каждая собака знает, ее ни Кобан, ни Заяц не перепутают.

– Это да... А если поросенка? – почесав затылок и полистав записную книжку, предложил брат. – Он меньше, нести легче.

– Поросенок визжать будет.

– Рот завяжем.

– У тебя на все готов ответ, как я вижу.

– Потому, что у меня новый метод, – Димка напыжился, как страдающий запором совенок, – а ты все по старинке, только заборы красть умеешь.

– Заборы на дрова нужны.

– Умные люди дрова воруют.

– Не вопрос: иди и укради дров, а я погляжу.

– Почему сразу я? – брат стушевался.

– Ты же языком ляпаешь. Возьми и докажи.

– Ладно, заборы воровать удобнее. Это дрова любой дурак может украсть, а заборы не всякий додумается, только ты, – польстил мне.

– То-то же.

– Но все равно, давай свинью сопрем, точнее поросенка.

Если Димка что-то вбивал себе в голову, то пытаться переубедить его было бесполезным делом. «Колом не выбьешь», – как говорила мать.

– У кого мы его сопрем?

– Можно у Кобана – ближе всего.

– И ты думаешь, что он, когда будет резать, не узнает свою свинью?

– Мы ее покрасим, не узнает.

– Нет, это чушь. Если ее покрасить, то сало есть нельзя будет.

– Да? Я как-то не подумал...

– Ты вообще редко думаешь.

– Давай у Чомбы. У них всегда сало вкусное, – брат облизнулся и сглотнул слюну.

– Совсем ошалел? Он же твой друг.

– А если?..

Дальше по улице жил Лукьянович, а следующим стоял новый детский сад.

– Тогда у Рябки? – брат перескочил на другую сторону улицы.

– Собака злая.

– У Сашки Вазона?

– Его бабка, если поймает, то ноги выдерет.

– Она же старая.

– Старая, не старая, а по мешку картошки на каждом плече носит.

– Да ну ее, – испугался Димка. – А что если... – дико посмотрел на меня, – у токаря?

– У токаря?.. – я замер, пораженный смелостью мысли брата.

Сын Васи-токаря, Юрасик был матерым воругой, широко известным даже за пределами района. Он воровал все! От тюрьмы Юрасика спасало только малолетство.

– У самого Юрасика?

– Он ворует, а мы у него.

– Хорошая идея, – мне даже понравилась мысль обокрасть первейшего воругу. – Батя точно будет доволен.

В этом можно было не сомневаться: отец болезненно реагировал на дурную славу Стасика и часто ворчал, что будь помоложе, давно бы переплюнул «белобрысого засранца». Хотя, сказать по правде, отец в кражах уже давно переплюнул не только Юрасика, но и половину района, вместе взятую. Просто, об этом мало кто знал, ибо тщеславие в папаше было слабее врожденной осторожности.

– Ты знаешь, где у них свиньи?

– В сарае, как и у всех.

– А поросята есть?

– Я откуда знаю? Чомба же двоюродный брат Юрасика, спроси у него.

– Понял, пойду позвоню.

– Только ты не в лоб спрашивай, а между делом, иначе, когда поросенок пропадет, Чомба догадается.

– Не учи, – отмахнулся брат, – у меня новый метод. Он у меня еще польку-бабочку танцевать будет!

Вернулся из дома минут через пятнадцать.

– Короче, я все узнал. Три поросенка есть.

– Ничего не заподозрил?

– Что он может заподозрить? Я сказал, что батя засаду на свинокрадов готовит.

– Какую еще засаду?

– Что ему из района пришла секретная бумага, – с гордостью докладывал брат, – и сегодня ночью приедут свинокрады.

– Ты точно ку-ку, – вздохнул я.

– Почему я ку-ку?

– Ты забыл, что в прошлый раз было? Вся деревня после твоей выдумки на ушах стояла.

– Я Чомбе сказал, что это секрет и чтобы он никому не трепался.

– Ну-ну.

Я оказался прав. Через пару часов позвонила мать и велела следить за свиньями.

– Свинокрады сегодня нагрянут, – шептала в трубку. – Если увидите кого-нибудь чужого, сразу звоните.

– Доволен? – я посмотрел на Димку.

– А что я? Что сразу я? Это Чомба все!

– Если бы ты ему не наплел всякой ерунды, он бы панику не устроил по деревне.

– Может, к вечеру успокоятся?

Не успокоились. Когда мы привычно скользнули во мрак улиц, то тут, то там, за заборами и оградами темнели силуэты. Люди курили, лузгали семечки, негромко разговаривали или молча ждали. Отец забрался на водокачку, обозревая деревню с высоты в бинокль. Снизу стоял УАЗ с терпеливо ждущим Кобаном.

– Мы ни то, что поросенка, – тихо сказал я, – мы даже забор не сможем утащить – кто-нибудь да заметит. Пошли домой, сегодня спать ляжем, а завтра, когда все будут отсыпаться – пойдем на дело.

Так и вышло: следующей ночью все дрыхли без задних ног и как стемнело мы «вышли на дело». Пошли по проселку вправо, к перекрестку. На перекрестке свернули влево, обошли по посадке крайнюю улицу и по полю подобрались ко двору токаря. Собака лениво тьякнула в конуре – мы замерли. Никого. Все спят. Зашли в калитку, шмыгнули к белокирпичному сараю.

– Замок, – прошептал Димка. – Что делать?

– Известно что, – я достал связку ключей и начал подбирать подходящий. Замок открылся на двенадцатом ключе. Сунул ключи и замок в карман и вытащил засунутый сзади за ремень мешок.

– Подержи.

Достал пластмассовый пузырек с длинным носиком и смазал машинным маслом дверные петли. Собака вновь тьякнула – мы замерли.

– Пошли, – прошептал Димка. – Чего мы ждем?

– Погоди, еще чуток, – потянул дверь.

Спасибо маслу, дверь открылась «без шума и пыли». Как два хоряка нырнули в темное нутро сарая.

– Надо было фонарик взять, – тихо сказал я, спотыкаясь в темноте.

Справа в плечо ткнулась большая рогатая голова – корова. Значит, хлевы будут где-то слева. Начал ощупывать дощатую перегородку. Вот и дверь. Приоткрыл. Куры сонно заквахтали. Не то. Закрыл. Следующая дверь встретила бляением. Овцы. Закрыл. А вот и знакомый запах – явно свинарник. Зашли в хлев и начали искать по полу спящих поросят. Раздался пронзительный визг – Димка наступил на поросенка. Нервы брата не выдержали, и он кинулся наутек. Я рванул следом, споткнулся об другого поросенка и упал. Вскочил, пулей вылетел во двор. В доме уже зажегся свет в окнах, собака захлебывалась истошным лаем.

Сломав голову, проскочил в калитку. Далеко впереди топотал убегающий к посадке Димка. Я повернул влево и кинулся бежать вдоль околицы, надеясь запутать преследователей и лихорадочно вспоминая, есть ли у токаря ружье. Лай подхватили другие собаки, деревня просыпалась. Хлопали двери, вспыхивали окна, скрипели калитки. Добежав до конца улицы, перебежал на соседнюю и по ней пошел к дому, пытаясь отдышаться.

Когда поравнялся с детским садом, навстречу вылетел УАЗ, ослепив внезапно вспыхнувшими фарами.

– Стоять!!! – раздался привычный вопль отца. – А, это ты... Чего спотыкаешься?

– Вот... – я развел руками.

– А младшОй где?

– Он это...

– А мы свинокрадов едва не накрыли. Они у токаря сарай взломали, козлы! Ты никого не видел?

– Вроде в той стороне лошадь какая-то проехала, – обернулся я.

– Лошадь?

– Ну, телега.

– Это они! Садись в машину. Микола, газу!

Я, вздохнув, забрался в салон.

– Мы им сейчас раздерем, как хуту тутси! – кричал отец. – Микола, гони! Теперь они в наших руках.

УАЗ болидом летел по улице. Путь до околицы показался мне невероятно коротким.

– Налево, – командовал отец. – Явно к дороге будут пробираться.

В свете фар, будто пойманный заяц, на асфальте мелькнула телега.

– Вот они! Это Орешниковы! – от крика отца у меня заложило уши. – Ату их!

Машина прыгнула вперед, словно укушенная оводом лошадь.

– Левее!!! – отец распахнул дверцу и шандарахнул из ружья в изумленное ночное небо. –

Сигналь!

Кобан надавил на клаксон, разорвав истошным гудком ночь.

– Стойте, выродки! Побью к чертям!

Если в деревне еще кто-то до сих пор спал после выстрела и сигнала, то теперь точно проснулся. УАЗ едва не налетел на телегу, отец высыпался на улицу и размахивая ружьем, орал:

– Лежать! Все лежать! Руки вверх! Ноги на ширину плеч!

– Владимирыч, ты-ты-ты-ты чего? – возле телеги скорчились помощники мукомола Пыка и Мыка.

– Лежать, скоты! – отец врезал Пыке сапогом в бок. – Где поросята?

– Ка-ка-ка-кие по-по-по-ро-ро-ся-та? – Пыка от страха стал заикаться еще больше.

– Васи токаря поросята.

– Владимирыч, – подал голос Мыка, – мы не при делах. Мы никаких поросят не брали.

– Молчи, свинокрад! От тебя не ожидал.

- Да не брали мы поросят, – слегка пришел в себя Пыка.
 - Что вы тогда тут делаете?
 - Мы это... – замялся Пыка.
 - Не юли!
 - Короче, комбикорм Капитану продали...
 - Воруете, падлы, – ласково сказал отец и зарядил каждому сапогом под ребра.
 - Мы это... Владимирыч... мы поделимся... А поросят мы того... не брали...
 - Лежите, лишены. Встанете – убью. Микола, отойдем.
- Отец и Кобан отошли к машине.

– Подрыв основ государственного строя, – солидно сказал отец, – иначе не скажешь. Эти падлы-мукокрады осмелились пойти против меня, представителя государственной власти. Ничего, Микола, они еще за все ответят, – достал платок и звучно высморкался в него. – Скажу тебе по секрету, – понизил голос, – это неуловимые братья Орешниковы.

- Это же Пыка и Мыка, они тут всю жизнь живут.
- Могли маски одеть. Помнишь, как в «Фантомасе»?
- Маски? – Кобан задумался. – Если маски...
- Предлагаю их пристрелить. При попытке к бегству.
- Ты что, Вэ-Вэ? – всполошился сосед. – А если это не маски?
- А если маски? – настаивал отец, давно уже сам поверивший в выдумку с братьями

Орешниковыми. – Ты предлагаешь отпустить опасных рецидивистов? Пускай и дальше воруют заборы и разбирают крыши?

– Я не предлагаю... я... может, лучше милицию вызвать? Они разберутся? – просительно посмотрел на отца.

- Никакой милиции. Хватит наматывать сопли на кулак. Я тут шериф, я сам разберусь!

Вернулся к лежащим. Нагнувшись, ухватил Мыку за ухо и стал тянуть, упершись коленом в плечо.

- Ты что, Владимирыч? – Мыка заверещал, как заяц в когтях коршуна.
- Чего орешь?
- Больно же!
- Не брешь, это маска, – ласково сказал отец.
- Ты что, Владимирыч, нет на мне никакой маски!
- Не брешь! – закинул ружье на плечо и ухватил рукой за второе ухо.
- А-а-а! Оторвешь же!

– Ты Мыка, тебе положено длинные уши иметь и с ними мыкаться неприкаянно, – отпустив уши, брезгливо вытер руки об одежду Мыки и, встав, подошел к Пыке.

Пригнувшись, ухватил несчастного за кожу на щеке и начал тянуть вверх.

- Ты в маске!

– Владимирыч, нет у меня маски. Отпусти, все отдадим, что за сено взяли. Больше воровать не будем! Отпусти, Христом богом молю!

- Шлепнуть вас что ли?

– Владимирыч, не убивай! – Пыка вскочил на колени и молитвенно сложил руки. – Сроду больше не украду.

– И я! – Мыка прыжком, которому бы позавидовал настоящий заяц, оказался на коленях рядом с собутыльником. – Век за тебя Бога молить буду.

– Лучше моли коммунистическую партию, – помахал перед лицами коленнопреклоненных стволами ружья. – Вы точно не Орешниковы?

– Отродясь никаких Орешниковых не знал, – всхлипнул Пыка и посмотрел на поделника.

- Даже не слышал про таких, – горячо подтвердил Мыка.

– Ладно, – после тяжелых раздумий, от которых по лицу буграми ходили мышцы, вспучиваясь в самых неожиданных местах, сказал отец, – поверю вам условно-досрочно. Но если еще раз...

– Нет, нет, мы не будем, – в один голос закричали помилованные.

– Катитесь отсюда, чтобы ноги вашей здесь не было.

Вернулся к машине, влез.

– Микола, поехали домой. Кто бы мог подумать: Пыка и Мыка и братья Орешниковы.

Радостный Кобан быстро домчал до дома.

– Хорошая вышла ночь, – вылезая из УАЗ-а, сказал отец, – со значением.

– Владимирыч, я тут насчет Пыки и Мыки подумал, – помялся Кобан. – Они приезжие...

– Думаешь? – глаза отца блеснули охотничьим азартом.

– Но они на полгода раньше вас приехали.

– Значит, знали, что я здесь появлюсь, – кивнул.

– Откуда?

– ЦРУ просчитало, когда я в Москве на агронома учился, – на полном серьезе прошептал отец. – Ладно, отдыхай пока.

Димка был уже дома.

– Ну что там? – шепотом спросил он.

– Все нормально, – зевнул я, – чуть братьев Орешниковых не поймали.

– Во как! Настоящих?

– Не совсем. Больше желания красть свиней у тебя нет?

– Нет.

Я пошел спать.

IV

– Тань, – за завтраком сказал отец, – мы же сегодня ночью чуть неуловимых братьев Орешниковых не поймали.

– Вить, – мать сосредоточенно делила холодное, сваренное из остатков ухи с желатином и обжаренной на сале морковки. Холодного получилось много, в основном за счет морковки, – не глуми ты мне голову, а то еще поделю не так. Холодного должно до конца недели хватить, а твоих Орешниковых, если они вообще есть, – прищурившись, посмотрела на отца, – никто не ловит, потому, что они даром никому не нужны.

– Да что ты говоришь? – отец от огорчения одним махом выпростал стакан горячего чая. – Что значит, не нужны? Опасные преступники, угроза обществу, и не нужны? Асоциальные элементы, чуждые нашему быту и ставшие на скользкую стезю преступления, и не нужны?

– У нас полсемьи таких и что?

– Каждый гражданин должен их ловить, либо, – поучительно воздел палец и сверкнул лысиной, – содействовать их поимке компетентными органами.

– Вить, будешь так пить – скоро начнешь не только Орешниковых, но и чертей ловить.

– Черти антинаучны, – солидно возразил отец.

– Если антинаучны, почему тогда алкоголики во время белой горячки чертей ловят?

– Из-за низкого уровня общей культуры. Культурные алкоголики чертей не ловят...

– Культурные алкоголики ловят братьев Орешниковых, – закончила мать.

Димка, строчащий в записную книжку новые слова, захихикал, но осекся под тяжелым взглядом отца.

– Не смешно, младшОй, – отец обвел всех внимательным взглядом. – Преступление не должно остаться безнаказанным. Как говорил Глеб Жеглов Володе Шапапову: Вор должен сидеть в тюрьме.

– Какой преступление, Вить? Что ты мелешь языком, как трухлявая мельница?

– Я из-за них зуба лишился, – ткнул пальцем в свой ощерившийся рот. – Зуба! А мог и жизнь потерять!

– Вить, ты совсем ку-ку? – покрутила пальцем у виска Димки. – Тебе Катька повариха зуб выбила, за то, что перец из столовой воровал.

– Ты ничего не знаешь, женщина! Рассуждаешь тут, как умная Эльза, а на самом деле, Катька действовала по указанию братьев Орешниковых, как Каплан стреляла в Ленина по указанию эсеров.

– Вить, тебе лечиться надо. Надумал тоже, с Лениным себя сравнить. Долго думал? Ленин он того, он вождь, – развела руками.

– Я тоже вождь, я совхозом руковожу! – потрясал над головой сжатыми кулаками отец. – Это не хухры-мухры.

– Хватит тут заливать, а то я из-за тебя на работу опоздаю. Ешьте скорее.

– Не опоздаешь, я тебя подвезу.

– Хотелось бы по улице пройтись. Вдруг кто-то кошелек потерял.

– Толковая идея, – кивнул отец. – Вдруг и правда какую безделицу найдешь.

– А что за Орешниковых вы чуть не поймали? – сменила гнев на милость мать.

– Пыка и Мыка, ворованный комбикорм Капитану продали, а мы их застучали и скрыли.

– Известные ворюги, – поморщилась мать. – Но с чего ты взял, что они братья Орешниковы? Они же тут всю жизнь жили.

– Мне сначала показалось, – слегка смутился отец, – в темноте, что они в масках, как Фантомасы.

– Может и правда в масках? – мать была мнительной, что Сидор в «Неуловимых мстителях». – Кто их знает?

– Я подергал – настоящая кожа.

– Тогда сообщники свинокрадов.

– Тань, пока что никто ни одной свиньи не украл. Свинокрады – как черти, – отрыжка предрассудков.

– Мало ли, – мать на всякий случай перекрестилась. – Так что там с Орешниковыми? Награду за них не дают?

Было видно, что навязчивая отцовская выдумка, в которую он и сам давно поверил, начинает находить отклик в мозгу матери.

– Они мстят мне за разоблачение банды контрабандистов.

– Вить, – мать слегка пришла в себя, – какая банда контрабандистов?

– Как в «Бриллиантовой руке». Я их в Москве разоблачил. Они таились, как профессор Мориарти от Шерлока Холмса, и подослали Катюку.

– У тебя же не было гипса, – не выдержал Димка.

– Мне гипс не нужен. У меня все здесь, – отец гулко постучал себя указательным пальцем по лбу.

– Как в пустой бочке гул, – не утерпев, ехидно подначила мать.

– Это мысля резонирует. Возвращаясь к братьям, – звучно поскреб затылок, – я подумал ночью, пораскинул мозгами. Пыка и Мыка могут быть Орешниковыми. Они же приезжие, – увидев, что мать хочет возразить, поспешно сказал он.

– Они приехали раньше нас.

– Не намного.

– Все равно, раньше.

– Я к тому времени ихнюю шайку-лейку разоблачил, так что по времени все сходится.

– Но почему они приехали сюда?

– Потому, что меня Родина не так просто в этот медвежий угол направила, – таинственно сказал отец, – а чтобы я вывел преступных главарей на чистую воду. У Пыки вообще фамилия Трапезон, а у Мыки наоборот, Якобхерсон.

– Фамилии уголовные, – согласилась мать, – но ничего не доказывают. Мелешь, как Емеля, а дети слушают.

– Учтите, пионеры, – отец покачал перед нашими лицами пальцем, – это тайна, как говорится, военная. Тань, собирайся на работу, – достал сигареты и закурил, поочередно выдыхая длинную струю дыма то в меня, то в Димку.

Родители ушли на работу.

– Пыка и Мыка – фашисты, – сказал Димка. – Я сразу догадался.

– Не фашисты, а контрабандисты.

– Все равно, они могут украсть меня.

– Зачем ты им нужен?

– Что бы папке отомстить.

– Папка будет только рад, если тебя украдут. Кормить же не надо.

– Это да, – согласился брат, поразмыслив. – Кормить не надо – будет рад. И что нам делать?

– Зачем нам что-то делать? Мы тут уже столько лет живем, и никто тебя не украл. Значит, ты никому не нужен.

– А если они нас подожгут? Помнишь, как Лелик-мукомол спяну чуть не поджег?

– Так то Лелик, у него не все дома.

– Пыка и Мыка вместе с Леликом работают...

Я задумался. В словах брата был резон. Пыка и Мыка были странными: ходили в вечно замасленных фуфайках и разговаривали так неразборчиво, что их никто кроме друг друга и Лелика-мукомола не понимал. Еще и жестикулировали при разговоре, как глухонемые. А если они и правда притворяются, чтобы отомстить отцу? Вдруг и зуб не за кражу перца ему выбили? Хотя я и понимал, что отец врет, но не может же человек врать постоянно? Или может?

– Мы должны за ними следить, – прервал мои раздумья Димка. – Что бы они нас не подожгли.

– Как ты собираешься за ними следить? – не понял я. – Что за ними следить, если они днем на работе? Куда они с работы уйдут?

– А ночью?

– А ночью мы заборы ворует, нам некогда следить.

– Может Чомбу попросить...

– Даже не заикайся! – перебил я. – Тебе мало того, что вся деревня свинокрадов ловит?

– И хорошо, зато свиней никто не украдет.

– Их и так никто не ворует.

– Потому и не воруют, что свинокрадов ловят.

– Их нет! – закричал я. – Пойми ты, свинокрадов нет!

Раздалась телефонная трель. Я подошел к столику и снял трубку.

– Алло.

– Василий, это я, – сказала мать. – Ночью у токаря поросенка украли. Следите за свиньями. Пропадет свинья – я вас самих закупорошу! – запиликали короткие гудки.

– У токаря поросенка украли, – положив трубку, сообщил я.

– Кто? – глаза брата испуганно заметались. Казалось, брат стремится заглянуть себе за спину: посмотреть, не подкрадывается ли кто?

– Я откуда знаю? – сел в кресло, продавленное тушей отца. – Нечего нам было вообще туда лезть.

– Я поросенка не брал, – нахмурился Димка, – я первый убежал, а ты еще оставался...

– Ты что, думаешь, я спер поросенка? – удивился я.

– Ты там один оставался, а теперь поросенка нет.

– Я потом с отцом и Кобаном ездил, Орешниковых ловил, и никакого поросенка у меня не было.

– Ты мог его спрятать.

– Где?

– Не знаю.

– На поле, да?

– Ну... – глазки растерянно поникли.

Спрятать поросенка мне действительно было негде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.